

АНДРОПОВ АРТЁМ СЕРГЕЕВИЧ

МИР БЕЗ ВРЕМЕНИ

ТАМ,
ГДЕ
ИСЧЕЗАЕТ
ВРЕМЯ,
НАЧИНАЕТСЯ
ДРУГОЕ

БОЛЬШЕ
ЧЕМ
БУДУЩЕЕ

18+

Артём Андропов

Мир без времени

«Автор»

2026

Андропов А. С.

Мир без времени / А. С. Андропов — «Автор», 2026

Он шагнул с края скалы — и оказался за покерным столом. В мире, где не существует времени, это совершенно обычно. Здесь вчера может наступить завтра, будущее известно заранее, а люди помнят даже то, чего ещё не произошло. Никто не боится, не мечтает и не любит. Ведь зачем испытывать чувства, если исход любого события предопределён? Но однажды мужчина замечает в проезжающем автомобиле женские глаза, которые не может узнать. Затем в тёмной библиотеке раздаётся незнакомый голос. А вскоре бесследно исчезает книга, которая должна существовать вечно. Впервые безупречная логика мира даёт трещину. Кто эта загадочная женщина? Почему рядом с ней происходит невозможное? И что, если самое важное в жизни — именно то, чего невозможно предвидеть? «Мир без времени» — философский фантастический роман о мире, где каждый знает абсолютно всё, но никто не понимает самого главного.

© Андропов А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: Мужчина	5
Глава вторая: Женщина	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мир без времени

Глава первая: Мужчина

Впереди простирался бесконечный горизонт.

Тихий океан бушевал. Огромные волны разбивались об отвесные скалы, поднимая в воздух белые облака солёных брызг. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в багровые, почти кровавые тона. На фоне краснеющего заката темнел силуэт мужчины.

Он стоял на самом краю скалы.

Ветер трепал его волосы, забирался под воротник рубашки и шевелил ткань брюк. Под ногами лежала потрескавшаяся каменная поверхность. Множество глубоких трещин рассекало её в разных направлениях, отчего скала казалась чем-то хрупким, ненадёжным, способным в любой момент рассыпаться и исчезнуть в бушующем море.

Но скала была настоящей.

Как и океан. Как и ветер. Как и мужчина, неподвижно стоявший над пропастью.

Был вечер. Снизу доносился глухой шум прибоя.

Мужчина обернулся.

Неподалёку, на небольшой обзорной площадке, стояла деревянная скамейка. Обычная скамейка, какие можно встретить в городском парке или на пустынной набережной. Имени того, кто её установил, нигде не было. Возможно, много лет назад. Возможно, совсем недавно. Кто-то однажды решил, что на этом месте человеку будет удобно сидеть и смотреть на океан.

Простой жест доброй воли.

Мужчина сделал несколько шагов, подошёл к скамейке и провёл ладонью по деревянному сиденью.

Доски были мокрыми после прошедшего днём дождя.

Он поднял руку, потёр кончики пальцев друг о друга, затем вытер ладонь о штанину и сел прямо на влажные доски.

Перед ним лежал океан.

Волны набегали на берег. Ветер менял направление. Солнце продолжало опускаться, хотя казалось, что уже давно должно было исчезнуть за горизонтом.

Мужчина сидел.

Сколько он просидел?

Ответить было невозможно.

Он сам этого не знал. Никто этого не знал. Да и существовал ли вообще ответ на подобный вопрос?

В какой-то момент мужчина поднялся. Довольно быстро, словно принял решение, которое не требовало дальнейших размышлений.

Он подошёл к краю скалы.

Посмотрел вниз, туда, где огромные волны разбивались об острые камни.

И сделал шаг вперёд.

Зелёное сукно покерного стола напоминало ему о запахе свежескошенного газона. Странное сходство. Между гладкой тканью и травой не было почти ничего общего, кроме цвета. Однако именно этот густой, насыщенный оттенок зелёного всякий раз возвращал его к воспоминанию о летнем утре, о влажных стеблях травы и том особенном запахе, который появляется после работы газонокосилки.

Перед ним лежали две карты. Туз и король пик. Мужчина посмотрел на них, затем аккуратно прикрыл ладонью.

За столом сидели ещё четверо игроков. У одного перед собой возвышалась внушительная башня фишек, аккуратно расставленных по номиналам. У другого оставалось всего несколько небольших стопок. Третий лениво вращал между пальцами красную фишку, раз за разом перекачивая её по костяшкам. Четвёртый смотрел на свои карты, словно изучал инструкцию к незнакомому бытовому прибору.

Крупье объявил начало очередного круга торговли.

— Ваша ставка, сэр.

Мужчина взял несколько фишек и передвинул их к центру стола. Раздался негромкий сухой стук. Фишки скользнули по сукну, слегка задевая друг друга. Ткань тихо шуршала под их пластиковыми краями. Когда игрок напротив придвинул целую стопку, несколько фишек соскользнули с её вершины, рассыпались веером и остановились у белой линии разметки.

— Повышаю.

Следующий игрок сбросил карты. Ещё один уравнил ставку. Последний из соперников тоже сбросил карты.

Мужчина посмотрел на оставшиеся перед ним фишки. Их было немного. Красные, синие, несколько чёрных. Вся сумма, которой он располагал. Он по привычке рассчитывал вероятность выигрыша, словно карты оставались неизвестными. Знал возможные комбинации и математическое соотношение шансов. Результат раздачи ему тоже был известен. Это была простая задача.

— Ва-банк, — произнёс он.

Он положил ладони на оставшиеся стопки и одним движением сдвинул их вперёд. Фишки рассыпались по зелёному полю. Послышался негромкий перестук, напоминавший звук мелких камешков, высыпаемых из ладони на деревянную поверхность.

Игрок справа посмотрел на свою небольшую стопку.

— Ва-банк.

Игрок напротив, располагавший целой горой фишек, несколько мгновений изучал свои карты.

— Уравниваю.

Крупье без лишних движений собрал ставки, отделил основной банк от дополнительного, пересчитал фишки и выровнял их в аккуратные столбики. Затем перевернул первые три общие карты. Король бубен. Семёрка треф. Двойка пик.

Мужчина посмотрел на короля. Теперь у него была пара королей. В игре с неизвестным исходом это давало бы неплохие шансы. Он мысленно перебрал возможные комбинации соперников, хотя уже знал, какая из них окажется выигрышной.

Крупье открыл четвёртую карту. Девятка червей. Ничего существенного не изменилось. За столом никто не разговаривал. Игрок с небольшой стопкой слегка отодвинулся от края стола. Мужчина напротив продолжал смотреть на зелёное сукно.

Крупье взял последнюю карту. Перевернул. Дама треф.

— Вскрываемся, господа.

Мужчина положил свои карты лицом вверх. Туз и король пик. Игрок справа показал две десятки. Мужчина напротив открыл двух дам. Крупье посмотрел на комбинации.

— Три дамы. Победа.

Он передвинул банк к выигравшему игроку. Фишки вновь зашуршали по сукну, сталкиваясь друг с другом и образуя небольшие беспорядочные кучки. Выигравший принялся расставлять их по цветам и номиналам. Проигравший с двумя десятками встал, поправил пиджак и направился к выходу из зала.

Мужчина ещё некоторое время смотрел на опустевшее пространство перед собой. Затем поправил воротник рубашки. Он проиграл. Все свои деньги. Последние. Это обстоятельство означало, что игра для него закончена, хотя никакого существенного значения не имело.

Вчера я шагнул в бездну, — подумал он. — Сегодня проиграл последние деньги. Он поднял глаза на крупье. Тот уже перемешивал колоду, готовясь к следующей раздаче. *И ведь вчера, стоя на краю скалы, я прекрасно знал, что сегодня буду сидеть за этим столом. Знал карты, которые получу. Знал, что проиграю. И всё равно сделал ставку.*

Мужчина отодвинул кресло и поднялся. Проходя между игровыми столами, он наблюдал за людьми. Они сидели перед картами, рулетками и игровыми автоматами. Переставляли фишки, нажимали кнопки, выигрывали, проигрывали. Кто-то поднимался и уходил, кто-то занимал освободившееся место. Люди разговаривали негромко и обстоятельно. Никто не смеялся. Никто не злился. Победители не торжествовали, проигравшие не сожалели об утраченном. Они просто принимали результаты и переходили к следующему действию. Всё происходило в соответствии с известными правилами.

Мужчина подошёл к барной стойке. Бар был длинным, отделанным тёмным полированным деревом. Над ним висели светильники с матовыми стеклянными плафонами, отбрасывавшие на поверхность столешницы тёплые жёлтые круги. Позади бармена стояли десятки бутылок. Зелёные, коричневые, прозрачные. Высокие и низкие. Некоторые с длинными узкими горлышками, другие — тяжёлые, с толстыми стеклянными стенками.

Мужчина занял свободный высокий стул.

— Бутылку красной риохи, пожалуйста. И стакан воды.

Бармен кивнул. Он взял с полки бутылку, неторопливо осмотрел этикетку, извлёк штопор и открыл её. Затем поставил перед посетителем широкий винный бокал, бутылку и отдельный стакан с холодной водой. Вино он оплатил ещё до того, как сел за карточный стол.

— Что-нибудь ещё, сэр?

— Нет. Этого достаточно.

Мужчина налил в бокал немного вина. Тёмно-красная жидкость медленно растеклась по прозрачному стеклу. Он добавил воды. Вино стало светлее, приобрело рубиновый оттенок. Мужчина слегка покачал бокал, наблюдая, как две жидкости смешиваются в единое целое.

Затем сделал глоток. Вино оказалось сухим. Терпким, с лёгкой кислинкой и едва уловимым древесным привкусом. Он поставил бокал на стойку.

Завтра я вернусь туда, откуда пришёл вчера. Эта мысль не содержала противоречия. По крайней мере, в мире, в котором он находился.

Я снова подойду к краю скалы. Увижу океан. Сяду на мокрую скамейку. А затем шагну вниз. И снова окажусь здесь, за этим столом. Получу туза и короля пик. Проиграю свои деньги. Закажу бутылку вина. Он посмотрел на бокал. *И всё повторится.*

Впрочем, слово «повторится» было не вполне точным. Повторение предполагает существование последовательности. Одно событие должно закончиться, чтобы другое могло начаться. Между ними должно находиться нечто, позволяющее отличить первое от второго. Время. Но времени не существовало.

Здесь не было ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Эти слова сохранились лишь как привычные обозначения событий, между которыми люди когда-то научились устанавливать последовательность. Завтра вполне могло наступить вчера. А вчера могло повториться через двести лет. Впрочем, и двести лет ничего не значили.

Можно ли назвать ожиданием состояние, в котором ожидаемое событие уже произошло? Можно ли говорить о воспоминании, если человек помнит то, что ещё только должно случиться? И можно ли вообще употреблять слово «должно», когда всё уже существует?

Мужчина сделал ещё один глоток вина. *Вчера я шагнул в бездну, зная, что сегодня буду пить здесь вино с водой. А завтра вернусь туда, где был уже множество раз. Но если всё это уже произошло, то какое значение имеет моё решение?*

Он поставил бокал. *Никакого.* Это был вполне логичный ответ.

В мире, лишённом времени, причинно-следственная связь перестала быть направленной из прошлого в будущее. Причина и следствие существовали одновременно, как две точки на одной геометрической фигуре. Можно было рассматривать их в любом порядке. Можно было начинать с конца. Можно было возвращаться к началу. Но изменить ничего было нельзя. Потому что любое изменение уже являлось частью существующего мира.

Именно поэтому здесь почти не осталось места эмоциям. Эмоции когда-то помогали людям выбирать, стремиться к чему-то, избегать опасности, привязываться друг к другу, сожалеть о прошлом и надеяться на будущее. Но что такое надежда, если будущее уже известно? Что такое сожаление, если прошлое невозможно изменить? И какой смысл бояться падения со скалы, если заранее известно, что вслед за ним ты окажешься за покерным столом?

Эмоции исчезли — так он называл их отсутствие. У этого исчезновения не было ни даты, ни последнего мгновения. В них просто не существовало необходимости. Мир научился обходиться без них. Логика заняла всё пространство, которое прежде принадлежало человеческим переживаниям.

Люди продолжали жить. Они работали, разговаривали, покупали вещи, играли в карты, посещали рестораны и совершали бесчисленные действия, которые когда-то составляли человеческую жизнь. Но теперь каждому действию находилось рациональное объяснение, даже если оно совершалось лишь по привычке. Никто не делал ничего потому, что ему этого хотелось. Желание требовало возможности выбора. А выбор предполагал существование будущего, которое ещё не определено.

Мужчина посмотрел на бармена. Тот стоял за стойкой, аккуратно расставляя чистые стаканы. Он взял один, провёл по его стенкам белой салфеткой, поднял к свету, проверяя прозрачность стекла, и поставил на полку. Затем взял следующий. И повторил те же движения.

Рядом посетитель расплачивался за напиток. Бармен принял несколько бумажных купюр, расправил их большим пальцем и пересчитал. Бумага негромко шуршала, соприкасаясь с кожей. Он открыл кассовый ящик, положил деньги в отделение и отсчитал сдачу. Каждая операция была точной. Каждое движение — достаточным. Ни одного лишнего жеста.

Мужчина наблюдал, как бармен берёт бутылку за горлышко, наклоняет её над бокалом другого посетителя и наполняет до определённого уровня. Жидкость ударяется о стекло. Бармен выпрямляет бутылку. Ставит её на место. Берёт полотенце. Вытирает едва заметную каплю со столешницы.

Интересно, — подумал мужчина, — знает ли он, сколько раз уже проделывал это движение? Ответ был очевиден. Нет. Потому что у движения не существовало первого раза. Как не существовало и последнего.

Бармен всегда стоял за этой стойкой. Всегда протирает бокалы, пересчитывал деньги и разливал напитки. Возможно, он занимался этим тысячу лет. Возможно, ещё не начинал. Разницы не было.

Рядом за стойкой сидела женщина в тёмно-синем платье. Перед ней стоял почти пустой бокал. Она смотрела куда-то перед собой, время от времени поднимая его к губам.

Неподалёку мужчина читал газету. Он переворачивал страницы, хотя все описанные в них события уже произошли, происходили сейчас и должны были произойти снова. Никого это не удивляло. Удивление тоже осталось в прошлом. Если, конечно, прошлое существовало.

Из глубины зала доносилась музыка. Негромкая, ровная, состоявшая из мягких звуков фортепиано, протяжных нот саксофона и едва слышного ритма ударных. Её можно было бы назвать джазом. Или даже блюзом. Если бы в ней было что-нибудь большее, чем бесконечное движение внутри одной и той же тональности.

Мелодия никуда не стремилась. Она не нарастала, не разрешалась, не создавала напряжения. Каждый новый такт был практически неотличим от предыдущего. Музыканты играли без ошибок. Но одной безошибочности было недостаточно, чтобы музыка обрела смысл.

В ней отсутствовало всё то, ради чего когда-то люди сочиняли музыку. Не было ожидания следующего аккорда. Не было внезапного изменения ритма. Не было той неуловимой неправильности, благодаря которой мелодия могла запомниться. Оставались только звуки. Нечто вроде аккуратно организованного белого шума.

Мужчина подумал, что для этого мира подобная музыка подходила идеально. Мир без эмоций не нуждался в мелодиях, способных что-либо пробудить. Ему требовалось лишь звуковое сопровождение собственного существования.

Он вновь взял бокал. Посмотрел сквозь него на светильники. Жёлтые круги за красноватым стеклом расплылись, приобрели неровные очертания. *Всё уже существует, — продолжал он размышлять. — Всё, что можно совершить, уже совершено. Любое решение известно ещё до того, как оно принято. Любой разговор уже состоялся. Любая ошибка уже допущена.*

Он посмотрел в сторону покерных столов. Крупье раздавал карты. Несколько игроков передвигали фишки.

Я мог не ставить ва-банк. Он задержался на этой мысли. *Нет. Не мог.* Потому что тогда существовал бы другой исход. А другого исхода не существовало.

В этом мире невозможно было совершить ошибку в привычном смысле слова. Ошибка предполагала альтернативное решение, которое могло бы привести к иному результату. Но альтернативы были лишь умственными конструкциями. Они не существовали отдельно от действительности.

Тогда зачем мы вообще думаем? Мужчина посмотрел на собственные руки. Пальцы лежали на тёмной деревянной поверхности стойки. *Если результат любого размышления известен заранее, само размышление становится бессмысленным.* Он на мгновение задумался. *Впрочем, бессмысленность — тоже оценка. А для оценки необходим критерий.*

Всё снова упиралось в логику. Логика объясняла действия, обосновывала решения, позволяла устанавливать зависимости и находить правильные ответы. Но у неё имелся один существенный недостаток. Она не могла объяснить, зачем вообще нужен правильный ответ.

Мужчина посмотрел на пустеющий бокал.

— Бармен.

Тот повернулся.

— Да, сэр?

— Налейте мне ещё вина с водой. И добавьте пару кубиков льда.

Бармен молча кивнул. Он взял бутылку, отмерил немного вина, долил воды и щипцами опустил в бокал два прозрачных кубика.

Лёд негромко звякнул о стекло. Один кубик медленно перевернулся и всплыл к поверхности. Другой остался под ним, слегка касаясь стенки бокала.

Бармен подвинул напиток к мужчине.

— Пожалуйста, сэр.

— Благодарю.

Мужчина поднял бокал. Холодное стекло коснулось его губ. Он сделал небольшой глоток и задержал жидкость во рту. Вино стало прохладнее. Вода смягчила терпкость. Слабая кислинка сменилась едва заметной горечью, а затем появился сухой, почти древесный привкус. Он проглотил. И ещё некоторое время сидел неподвижно.

Вкус. Эта мысль показалась ему заслуживающей внимания. Вкус был одним из немногих ощущений, которые ещё сохраняли значение в этом мире. Не потому, что он мог что-то изменить. И не потому, что доставлял удовольствие в прежнем понимании этого слова. Просто вкус оставался различимым.

Вино отличалось от воды. Соль — от сахара. Горечь — от сладости. Холодный напиток — от тёплого.

Даже если человек заранее знал, каким окажется вкус, ему всё равно требовалось попробовать, чтобы непосредственно ощутить его.

Можно было знать химический состав вина, температуру воды, концентрацию растворённых веществ и точное расположение молекул на поверхности языка. Можно было вычислить взаимодействие этих молекул с рецепторами и предсказать возникающие нервные импульсы. Но никакое описание не заменяло самого вкуса.

Возможно, именно поэтому люди продолжали есть. Не ради поддержания жизненных процессов — в этом уже не было необходимости. Они приходили в рестораны, заказывали блюда, смешивали напитки, добавляли специи, изменяли температуру и сочетали продукты, хотя давно знали результат каждой комбинации. В мире, где всё было предопределено, вкус оставался чем-то, что необходимо было пережить непосредственно.

Мужчина посмотрел на два медленно тающих кубика льда. *Любопытно.* Он снова отпил вино.

Мы избавились от эмоций, потому что перестали нуждаться в них. Мы подчинили поступки логике, потому что логика никогда не требует невозможного. Мы знаем все последствия, поэтому больше ничего не ждём. Он поставил бокал. *Но продолжаем различать вкус.*

Бармен вновь пересчитывал деньги. За соседним столом кто-то перевернул карту. В глубине зала всё так же звучала музыка, которая не могла закончиться, потому что никогда настоящей не начиналась.

Мужчина посмотрел на свою руку, лежавшую рядом с бокалом. Вчера эта рука касалась мокрой деревянной скамейки. Сегодня она передвигала последние фишки по зелёному сукну. Завтра она снова коснётся холодного камня на краю скалы. И всё это уже происходило. Всегда.

Возможно, — подумал он, — смысл заключается не в том, чтобы что-то изменить. Он медленно повернул бокал, наблюдая, как красноватая жидкость омывает его стенки. *Возможно, смысл заключается хотя бы в том, чтобы различать.* Сладкое и горькое. Тёплое и холодное. Вино и воду. Звук падающей фишки и шум океанского прибоя. Всё то небольшое, что ещё оставалось человеку в мире, где не было ни начала, ни конца.

Он сделал ещё один глоток. И подумал, что страннее всего было даже не отсутствие времени. Страннее было то, что мир, в котором уже существовало абсолютно всё, больше ничего не мог предложить человеку. Кроме вкуса вина, разбавленного водой. И двух медленно тающих кубиков льда.

Но это были просто мысли. Мужчина не считал время. Не строил планов. Не пытался предугадать события. Он просто знал, что его ожидает. Как человек, однажды прочитавший книгу, знает, что написано на следующей странице, даже если ещё не перевернул её.

Он работал лесорубом. Работа его состояла в том, чтобы взбираться на высокие деревья и постепенно разбирать их сверху вниз. Сначала ветви, затем верхушку, потом отдельные части ствола. Он спускался всё ниже, пока от огромного дерева не оставался лишь невысокий обрубок, который можно было повалить целиком.

В этих местах росли кипарисы. Высокие, стройные, с тёмно-зелёными кронами и крепкой древесиной. Они поднимались над землёй на десятки метров, и их верхушки иногда скрывались в тумане, приходившем со стороны Тихого океана. Из их древесины делали мебель, двери, оконные рамы, иногда скамейки.

Скамейки. Мужчина посмотрел на бокал вина. *Ведь это я сделал ту скамейку.*

Мысль была совершенно обыкновенной. Она не вызвала удивления и даже не показалась ему особенно интересной. Он просто вспомнил, как выбрал несколько ровных досок, обстругал их, собрал сиденье и спинку. Как вкопал две опоры в каменистую землю на обзорной площадке. Как несколько раз провёл ладонью по готовому дереву, проверяя, не осталось ли заноз. И как поставил скамейку лицом к океану.

Зачем? Причина была проста: там можно было сидеть.

Мужчина немного опустил взгляд. И оказался на этой самой скамейке.

Был день. Над океаном висели большие белые облака. Солнце освещало скалы, прибрежную траву и узкую полосу земли, уходившую к горизонту. Внизу волны с грохотом разбивались о камни.

Скамейка оставалась мокрой. Он посмотрел на доски, на которых сидел, и провёл пальцем вдоль древесных волокон. Да. Это была его работа.

На внутренней стороне одной из досок виднелся небольшой сучок, вокруг которого расходился характерный рисунок годичных колец. Он помнил этот сучок. Помнил, как сомневался, оставить ли доску или заменить другой. Впрочем, сомнение было неподходящим словом. Он просто сопоставил два решения и выполнил то, которое уже было частью его воспоминаний.

Мужчине было около тридцати шести лет. По крайней мере, именно такой возраст соответствовал его внешности. Он был брюнетом, с короткими аккуратно уложенными волосами, гладко выбритым лицом и правильными чертами. Ни бороды, ни усов он не носил. Впрочем, бриться ему давно не приходилось. Как и стричься.

Волосы больше не росли. Ногти не удлинялись. Кожа не старела. Морщины не появлялись. Его тело оставалось одинаковым во всех знакомых ему состояниях мира. Он мог бы сказать, что таким оно было в тот момент, когда исчезло время. Если такой момент вообще существовал.

Иногда он укладывал волосы перед зеркалом, хотя в этом не было особой необходимости. Пряди сохраняли длину, но могли менять положение под действием ветра, воды или прикосновения руки. Само тело не менялось. Менялись лишь обстоятельства его существования.

Он не мог указать, когда именно остановилось время: само слово «когда» здесь лишалось смысла. Не помнил никакой катастрофы, необычного происшествия или последнего мгновения прежнего мира. Возможно, время исчезло внезапно. Возможно, оно никогда не существовало, а люди лишь ошибочно приписывали последовательность событиям, которые в действительности были одновременны. Ни одна из этих формулировок не помогала понять, что исчезло.

Внутри него жили мысли. Только мысли. Они возникали, исчезали, соединялись друг с другом, образовывали сложные конструкции и приводили к выводам. Иногда он размышлял о математике, иногда о деревьях, иногда о причинах существования Вселенной. Но мысли не сопровождались чувствами. Он не испытывал стремлений. Не имел мечтаний. Не скучал. Не радовался. Не любил.

Слово «любовь» он помнил. Он знал его значение, мог привести множество определений, описать физиологические процессы, сопровождавшие это состояние, и даже воспроизвести стихи, которые когда-то писали влюблённые. Но не мог вспомнить самого чувства. Это было похоже на знание о существовании цвета, который невозможно увидеть. Или музыки, которую невозможно услышать.

Он знал, что когда-то люди любили. Знал, что из-за любви они совершали поступки, противоречащие логике. Уезжали в незнакомые города, отказывались от денег, жертвовали собственными интересами и иногда даже жизнью. С математической точки зрения подобное поведение представлялось совершенно нерациональным. Но когда-то оно имело смысл. Какой именно — он уже не помнил.

В его сознании одновременно присутствовали воспоминания о прошлом, настоящем и будущем. Иногда они накладывались друг на друга, как несколько изображений, нанесённых на прозрачные листы. Он мог рассматривать событие, которое ещё не произошло, и не обращать внимания на то, что случилось вчера. Знание не исчезало; менялось лишь то, на чём он сосредоточивался. Впрочем, вчера не существовало. Как и завтра.

Мужчина поднялся со скамейки. Он посмотрел на океан, затем повернулся и пошёл по узкой тропе, уходившей вдоль склона. Сначала тропа была пологой. Под ногами хрустели мелкие камешки, иногда попадались сухие веточки, принесённые ветром из ближайшего леса. По обе стороны росла невысокая трава, среди которой виднелись редкие жёлтые цветы.

Затем склон стал круче. Тропа начала резко уходить вниз, извиваясь между камнями. Мужчина придерживался рукой за выступающие корни деревьев, обходил глубокие промоины и иногда останавливался, чтобы выбрать более удобное место для следующего шага.

Наконец он вышел к автомобильной дороге. Асфальт тянулся вдоль побережья, то приближаясь к океану, то скрываясь за холмами. По нему с большой скоростью проносились автомобили.

Мужчина пошёл по обочине. Он шёл, не зная, сколько проходит времени. Его ботинки равномерно ударялись о твёрдую поверхность. Изредка под подошвой хрустел гравий. Мимо проезжали грузовики, легковые автомобили, автобусы. Ветер шевелил полы его пиджака.

Почему существует пространство? Вопрос возник сам собой. Время исчезло. Но пространство осталось. Я могу перемещаться от одной точки к другой, хотя никакой последовательности не существует. Я могу находиться на скале, в казино и на этой дороге. Но что означает находиться где-либо?

Он посмотрел на свои руки. *Почему я вообще существую внутри этого пространства?*

Дорога продолжалась. *Предположим, что всё это — изображение.* Мужчина поднял голову к небу. *Предположим, что я нарисован на огромном экране. Не обязательно нарисован целиком. Возможно, я состою из миллионов маленьких светящихся точек. Пикселей. Каждый из которых получает определённый цвет и яркость.*

Он перевёл взгляд на дорогу. *Тогда и асфальт — пиксели. И океан. И деревья. И люди, которые проезжают мимо.* Он представлял себе гигантский монитор, на поверхности которого существовал весь известный ему мир.

Но если я всего лишь изображение, как я могу узнать о существовании экрана? Ответа не было. *Я могу двигаться по нему сколько угодно. Могу исследовать каждый его уголок. Могу построить приборы, которые покажут мне структуру вещества, и обнаружить, что вещество состоит из ещё более мелких частей.*

Он посмотрел на свои пальцы. *Но я никогда не смогу выглянуть за монитор.* Эта мысль показалась ему логически завершённой. *Потому что всё, из чего я могу построить прибор для наблюдения, тоже находится внутри изображения. Даже мои мысли — всего лишь комбинация светящихся точек.*

Мимо проехал грузовик. Воздух слегка потянуло солёной. *Может быть, за экраном кто-то сидит.* Он продолжал идти. *Кто-то смотрит на меня. Видит, как я иду по дороге и размышляю о том, что существую на экране. Возможно, для него это занятно.*

Он сделал несколько шагов. *А может быть, и тот, кто смотрит, тоже нарисован на другом экране.* В таком случае задача становилась бесконечной. Можно было вообразить сколько угодно экранов, вложенных друг в друга. И на каждом находился бы наблюдатель, не способный увидеть собственную внешнюю границу. *Любопытная конструкция.*

Мужчина взглянул на проезжающий автомобиль. И увидел её. Это был тёмный легковой автомобиль с серебристыми полосами вдоль окон. За рулём сидел мужчина. Рядом, на пассажирском сиденье, находилась женщина. Она смотрела вниз. Возможно, читала книгу. Возможно, рассматривала какой-то предмет, лежавший у неё на коленях.

Автомобиль приближался. Мужчина повернул голову. Женщина подняла взгляд. Всего на мгновение. Он увидел её глаза — и не успел понять, знакомы ли они ему. Лицо промелькнуло за стеклом прежде, чем он успел соотнести его с каким-либо воспоминанием.

Неужели он их не знал? Нет, такая постановка вопроса была ошибочной. Вероятно, он просто не успел разглядеть лицо.

Это было невозможно. Ведь он уже видел всех людей этого мира. И ещё увидит каждого. И всегда видел. Его воспоминания не разделялись на произошедшее и предстоящее. Каждое лицо имело своё место в этой бесконечной картине. Нужно было лишь понять, какое из знакомых лиц промелькнуло за стеклом.

Автомобиль пронёсся мимо. Воздушный поток подхватил полы пиджака, слегка приподнял их и ударил по ногам мужчины. Он поправил одежду. Посмотрел вслед удаляющейся машине. Та уже скрывалась за поворотом.

Странно. Он продолжил путь. Я знаю всех, кто существует в этом мире. Я видел их прежде, вижу сейчас и увижу снова. Но почему я не смог их узнать?

Он попытался восстановить изображение. Лицо женщины. Волосы. Линию бровей. Глаза. Изображение воспроизводилось обрывками. Взгляд запомнился, но целого лица из этих обрывков не складывалось.

Вчера я просто слишком много выпил, — решил он. — Не успел разглядеть, вот и всё. Готовое объяснение из прежней жизни показалось ему логичнее, чем незнакомый человек в мире, где незнакомых не существовало.

Он не мог сказать, что желал увидеть эти глаза снова. Желания в прежнем смысле у него не было. И всё же в его сознании возникла мысль, удивительно похожая на давно забытое человеческое стремление. Словно он всю свою жизнь ожидал встречи именно с этими глазами. Нет. Не ожидал. Ожидание требовало времени.

Словно он мечтал их увидеть. Но и мечтать он не умел. Он попытался подобрать другое слово. Не смог.

Я не успел их разглядеть. Но почему-то возвращаюсь именно к этому взгляду. Эта формулировка оказалась точнее.

Мужчина остановился. Перед ним стоял деревянный дом. Он находился неподалёку от дороги, на небольшой поляне, окружённой кипарисами. Одноэтажный, с покатой крышей, узким крыльцом и двумя окнами, обращёнными к лесу.

Это было его временное жильё. Впрочем, слово «временное» тоже утратило смысл. Он жил здесь всегда. И никогда.

Дом состоял из нескольких помещений: небольшой спальни, кухни, комнаты для хранения одежды и инструментов. Снаружи к нему примыкал навес, под которым стоял пикап. Мужчина поднялся на крыльцо и открыл дверь. Внутри пахло древесиной, машинным маслом и старой кожей.

Он снял пиджак, повесил его на деревянную вешалку, затем подошёл к умывальнику. Над металлической раковиной висел цилиндрический бачок с водой. В нижней его части находился небольшой подпружиненный клапан со стержнем.

Мужчина подставил ладони, нажал на стержень, и тонкая струйка холодной воды полилась вниз. Он набрал воду, умыл лицо. Капли скатились по щекам и подбородку.

Он выпрямился и посмотрел в зеркало. Оттуда на него смотрел брюнет лет тридцати шести. Короткие волосы. Гладко выбритое лицо. Прямой нос. Спокойные глаза.

Интересно, — подумал он, — как долго я уже выгляжу именно так? Вопрос не имел ответа.

Он пригладил влажные волосы ладонью, вытер лицо полотенцем и направился в соседнее помещение. Там находилось его снаряжение. На стенах висели страховочные пояса, верёвки, карабины, стропы, металлические крюки и инструменты. На полках лежали защитные очки, перчатки, каски и небольшие запасные детали для бензопил. В углу стояли высокие рабочие ботинки с жёсткими носками.

Мужчина снял оставшуюся на нём одежду — рубашку и костюмные брюки — и аккуратно сложил её. Затем надел плотные рабочие брюки, куртку с усиленными вставками, защитные ботинки и перчатки.

Он осмотрел альпинистскую обвязку, проверил замки карабинов и состояние рабочих строп. Подготовил страховочную верёвку, спусковое устройство и металлические древолазные когти, позволявшие удерживаться на стволе.

Отдельно проверил небольшую бензопилу, предназначенную для работы на высоте. Её цепь была натянута. Топлива оставалось немного. Мужчина долил бензиновую смесь из канистры, проверил масло для смазки цепи и закрепил инструмент на специальной подвеске.

Затем взял вторую, более тяжёлую пилу, предназначенную для работы у основания дерева. Топор. Несколько крепёжных строп. Каску с защитным щитком и наушниками.

Он уложил всё в кузов пикапа, закрепил снаряжение ремнями и закрыл задний борт. Повернул ключ зажигания. Двигатель негромко заворчал.

Мужчина выехал на дорогу и направился в глубину леса. Кипарисы стояли плотными рядами, поднимая свои кроны высоко над землёй. Между ними пробивались узкие полосы солнечного света. Где-то вдалеке слышался гул работающей техники.

Лесозаготовки здесь велись постоянно. На отдельных участках работали бригады. Одни люди спиливали деревья, другие обрезали ветви, третьи занимались погрузкой готовых стволов.

Большие лесовозы перевозили древесину на расположенную неподалёку железнодорожную станцию. Там брёвна сортировали, укладывали на длинные железнодорожные платформы и отправляли дальше. На деревообрабатывающие предприятия. На лесопильные заводы. Туда, где стволы превращались в доски, брусья, рейки и бесчисленные другие изделия.

Мужчина проезжал мимо очередного участка. Слева огромная машина с гидравлической стрелой удерживала спиленный ствол. Металлические захваты плотно обжимали древесину, а пильный механизм с ровным механическим жужжанием отделял очередной отрезок. Справа несколько рабочих укладывали брёвна штабелями. Чуть дальше другой лесоруб, пристёгнутый к стволу, работал высоко над землёй.

Мужчина посмотрел на деревья. *Этот лес уже срублен.* Мысль не противоречила тому, что он видел перед собой. Деревья существовали. И одновременно не существовали.

Где-то они ещё поднимались к небу, распространяя вокруг себя запах хвои. Где-то лежали на земле в виде обрезанных стволов. Где-то давно превратились в доски. А возможно, часть этих досок уже стала мебелью. И одна из них находилась на скале у Тихого океана.

В мире без времени дерево могло одновременно быть живым, срубленным и превращённым в скамейку. Каждое из этих состояний было одинаково реальным. *Любопытно, — подумал мужчина, — что в таком случае мы называем лесом?*

Он повернул на узкую грунтовую дорогу. Колёса пикапа перекатывались через камни и выступающие корни. В кузове негромко постукивали закреплённые инструменты. *Если лес существует одновременно во всех своих состояниях, то, возможно, я не рублю деревья. Я просто наблюдаю одну из форм их существования.*

Вдали показалась небольшая просека. Он остановил пикап на открытой площадке, в стороне от места предполагаемого падения древесины, заглушил двигатель и вышел.

Перед ним стоял высокий кипарис. Ствол был сравнительно тонким, но прямым и крепким. Его кора имела красновато-коричневый оттенок и была покрыта глубокими продольными бороздами. Верхушка уходила высоко в небо. Мужчина запрокинул голову. Снизу крона казалась небольшим тёмно-зелёным облаком, окружённым голубым пространством.

Он осмотрел дерево. Проверил его наклон, состояние ствола, расположение крупных ветвей и свободное пространство внизу. Затем надел каску, закрепил страховочную систему, проверил подвеску инструмента. И начал подниматься.

Металлические когти упирались в древесину. Страховочная стропа охватывала ствол, позволяя ему последовательно переносить вес с одной ноги на другую. Подъём происходил неторопливо. Он переставлял ноги, подтягивал страховку, поднимался выше.

Снизу его фигура постепенно уменьшалась. Сначала он находился на высоте человеческого роста. Потом на уровне крыши двухэтажного дома. Затем ещё выше.

Ствол слегка покачивался под действием ветра. Кора осыпалась мелкими сухими частицами. Иногда кусочки её отрывались от поверхности и падали вниз, почти бесшумно исчезая среди травы. Мужчина продолжал подъём.

Под ним расстился лес. Кроны соседних деревьев образовывали неровную зелёную поверхность, напоминавшую бесконечное море. Далеко внизу стоял пикап. С этой высоты он казался маленькой игрушкой. А сам мужчина, если бы кто-нибудь наблюдал за ним со стороны, походил бы на муравья, карабкающегося по стеблю огромного растения.

Он достиг нужной высоты, оборудовал верхнюю точку страховки и закрепил рабочее положение. Затем осмотрел ветви. Сначала следовало убрать те, что мешали дальнейшей разборке ствола.

Он достал небольшую пилу. Двигатель взревел, нарушив ровный шум леса. Звук был резким, металлическим, почти визгливым. Цепь коснулась древесины. Посыпались светлые опилки.

Мужчина отделил первую ветвь. Она качнулась. На мгновение задержалась среди нижних побегов, затем сорвалась и полетела вниз. Сначала слышался только свист воздуха. Потом — шорох хвои. И наконец глухой удар о землю. *Хр-р-рах.* Ветвь отскочила, перевернулась и замерла на траве.

Мужчина переключил внимание на следующую. Снова взревела пила. Снова посыпались опилки. Вторая ветвь, более тяжёлая, задела по пути несколько нижних сучьев. Послышался целый ряд коротких сухих щелчков. Затем громкий треск. И тяжёлый удар внизу. Лес на мгновение наполнился шелестом потревоженной листвы и хвои. Потом всё стихло.

Мужчина продолжал работу. Ветви падали одна за другой. Крупные он предварительно удерживал спусковой верёвкой и опускал с помощью закреплённого на стволе спускового устройства, чтобы они не ударяли по стволу и не повреждали окружающие деревья. Небольшие падали свободно в очищенную зону.

Каждая имела собственный звук. Тонкая ветка почти свистела. Толстая падала с тяжёлым шелестом, словно кто-то быстро протаскивал огромную метлу через кустарник. А когда о землю ударялась массивная часть ствола, звук получался совсем другим. Низким. Глубоким. Таким, который ощущался не только ушами: слабая дрожь проходила по стволу и отзывалась под подошвами ботинок.

Постепенно верхняя часть кипариса обнажилась. Мужчина закрепил страховку ниже, подготовил верёвочную систему для спуска верхушечной секции и сделал очередной рез. Острая цепь входила в древесину, выбрасывая в воздух мелкие влажные опилки. Пила работала ровно.

Затем верхушка отделилась. Она наклонилась, повисла на удерживающей верёвке и начала опускаться. Хвойные ветви шуршали, раскачиваясь в воздухе. Когда секция достигла земли, раздался тяжёлый глухой звук. *Бух.*

Мужчина выключил пилу. Посмотрел вниз. Теперь на месте высокого дерева возвышался почти голый ствол. Он начал разбирать его по частям. Закреплялся ниже. Отделял очередной отрезок. Опускал его. Переносил страховку. Снова спускался.

Куски древесины падали на землю, ударялись о камни, иногда перекатывались, сталкиваясь друг с другом. Тяжёлые деревянные цилиндры оставляли на мягком грунте глубокие вмятины. С каждым отделённым отрезком дерево становилось ниже. И мужчина вместе с ним.

Когда-то этот кипарис тянулся к солнцу. Его верхушка находилась выше соседних деревьев. Ветви принимали удары ветра. Кора покрывалась трещинами. Корни уходили в землю, удерживая высокий ствол. Теперь от него оставалась примерно половина.

Мужчина перевёл страховку ниже и остановился на небольшом выступе коры. Он посмотрел вниз. И увидел лису. Она стояла неподалёку от просеки. Небольшая рыжая лиса с тёмными лапами и густым хвостом.

Она смотрела на человека. Мужчина смотрел на неё. Некоторое время они оставались совершенно неподвижными. Лиса слегка наклонила голову.

Интересно, — подумал мужчина, — о чём она думает? Вопрос был вполне обоснованным. *Обладает ли животное чувствами в мире, где люди давно утратили способность чувствовать?*

Лиса повернула голову в другую сторону. *Знает ли она о существовании времени?* Он посмотрел на её уши, настороженно направленные вперёд. *Понимает ли она, что дерево уже срублено, хотя я всё ещё нахожусь на нём?*

Лиса села. Обвила лапы пушистым хвостом. Продолжала смотреть вверх.

Мужчина рассмотрел несколько возможных вариантов её мыслей. *Возможно, она размышляет о природе пространства. Возможно, задаётся вопросом, почему существует Вселенная и каким образом сознание может находиться внутри физического тела.*

Он посмотрел на лису внимательнее. *А возможно, она думает: «Какой идиот забрался на такую высоту, если у него даже хвоста нет?»*

Лиса почесала задней лапой за ухом. *Или просто: «Интересно, он съедобный?»* Мужчина посмотрел на свои рабочие ботинки. *Вряд ли.*

Лиса поднялась, обнюхала лежавшую на земле ветку, затем повернулась и неторопливо исчезла между деревьями. *Вот и состоялся обмен мнениями, — заключил мужчина.*

Он вновь взял пилу. Двигатель взревел. Цепь врезалась в древесину. Очередная секция ствола отделилась и с тяжёлым грохотом опустилась на землю.

Работа продолжилась. Мужчина спускался всё ниже. Ещё один отрезок. Ещё один. Ещё. Наконец от огромного кипариса остался сравнительно невысокий ствол, возвышавшийся над землёй.

Мужчина спустился, освободил страховочную систему и отошёл на несколько шагов. Посмотрел вверх. Там, где прежде находилась высокая крона, теперь было небо.

Он вспомнил, как стоял на самой верхушке. Как поднимался вдоль ствола. Как дерево становилось всё выше под его ногами. И как затем, отделяя часть за частью, он снова возвращался вниз.

Странное занятие. Мужчина снял перчатку и провёл пальцами по шероховатой поверхности оставшегося ствола. *Я поднимаюсь наверх исключительно для того, чтобы спуститься обратно.* Он посмотрел на землю. *И каждый раз начинаю с самого начала.*

Впрочем, в этом не было ничего необычного. Большинство человеческих занятий когда-то имело похожую структуру. Люди поднимались по служебной лестнице, чтобы однажды оставить работу. Строили дома, которые затем продавали. Накапливали деньги, чтобы впоследствии их потратить. Получали знания, чтобы обнаружить, сколько ещё не знают.

Они стремились подняться выше. А достигнув высоты, нередко начинали движение обратно. Мужчина снова посмотрел на обрубленный кипарис. *Возможно, вся человеческая жизнь когда-то представляла собой именно такое дерево.*

Он снова натянул перчатку, обошёл ствол, оценил направление его естественного наклона и свободное пространство для падения. Затем взял большую бензопилу. Последняя часть дерева ещё стояла.

Пила заработала. Низкий, насыщенный рёв двигателя разнёсся по лесу. Опилки вылетали из-под цепи светлыми струями, оседая на траве и ботинках. Мужчина выполнил необходимые пропилы и отошёл в безопасную сторону.

Ствол начал наклоняться. Сначала медленно. Потом быстрее. Раздался длинный, протяжный треск разрывающихся древесных волокон. *Кр-р-р-рак.*

Ствол рухнул на землю. Глухой удар прокатился по просеке. Ветки и кусочки коры подпрыгнули. С соседних деревьев осыпалась хвоя. Небольшое облако пыли поднялось над местом падения и постепенно рассеялось.

Мужчина смотрел на лежащую древесину. Дерево было срублено. Но он знал, что где-то оно всё ещё стоит. Высокое. Живое. С тёмно-зелёной кроной. И где-то он уже взбирается на него. А где-то ещё только подъезжает к нему на пикапе.

Я закончил то, что никогда не начинал. Он выключил пилу. Затем собрал инструменты, снял каску и страховочное снаряжение и направился к автомобилю.

Из кузова он достал сигнальную ракетницу. Оглядел очищенную просеку и открытое небо над ней. Зарядил сигнальный патрон, поднял ракетницу вверх и выстрелил. Раздался резкий хлопок. Красная сигнальная ракета взлетела над кронами кипарисов, оставляя за собой тонкий дымный след. Высоко в небе она вспыхнула яркой точкой.

Сигнал означал, что дерево подготовлено к вывозке. Где-то неподалёку работала бригада, которая должна была прибыть с техникой, забрать древесину и доставить её на погрузочную площадку. Оттуда брёвна отправятся к железнодорожной станции. Затем на заводы. Где превратятся в доски. Из которых когда-нибудь сделают мебель. Возможно, даже скамейку.

Мужчина убрал ракетницу в ящик, уложил оставшееся снаряжение и сел за руль. Он повернул ключ. Двигатель ожил.

Несколько мгновений мужчина смотрел через лобовое стекло на лес. *Мы поднимаемся, чтобы спуститься. Начинаем, чтобы закончить. А заканчиваем лишь для того, чтобы начать снова.* Он включил передачу. *Но если ни начала, ни конца не существует, что именно мы делаем?*

Пикап медленно тронулся. Мужчина выехал с просеки на грунтовую дорогу. Вокруг стояли кипарисы. Высокие деревья тянулись к небу. Их кроны тихо покачивались, соприкасаясь друг с другом. Между стволами лежали длинные полосы света. Где-то работала бензопила. Где-то падало дерево. Где-то грузили брёвна.

Мужчина направил автомобиль к шоссе. Он знал, куда поедет. В библиотеку. Большую библиотеку, расположенную в центре города. Одну из тех, что когда-то назывались национальными. Там хранились миллионы книг, написанных людьми, пытавшимися объяснить окружающий мир.

Книги по математике. Физике. Астрономии. Философии. Истории. И сотни тысяч других, посвящённых вопросам, на которые человечество пыталось найти ответы.

Среди них была одна книга. Он знал её название. Помнил имя, напечатанное на титульном листе. Помнил, на какой полке она стоит. И даже знал, какую страницу откроет. В этой книге было написано, что такое время.

Он уже читал её. Множество раз. И каждый раз закрывал, не сумев понять самого главного. Не то, как измерять время. Не то, как оно связано с пространством. И не то, почему часы показывают разные значения в разных условиях. А что такое время само по себе.

Почему люди когда-то были уверены, что оно существует? Почему считали, что оно течёт? И куда оно могло исчезнуть?

Он повернул на шоссе. Впереди показались далёкие очертания города. Пикап набирал скорость.

Мужчина смотрел на дорогу, а в его сознании уже существовал высокий библиотечный зал с длинными рядами книжных стеллажей. Он видел деревянный стол у большого окна. Видел книгу, лежавшую на его поверхности. Видел собственные руки, переворачивающие страницы. И помнил слова, которые собирался прочитать. Слова были ему известны. Но смысл оставался непостижимым.

Впрочем, сейчас его занимала ещё одна мысль. Глаза женщины из проезжавшего автомобиля. Он попытался вспомнить их снова. Взгляд вспоминался отчётливо, но восстановить всё лицо по-прежнему не удавалось.

Почему я всё ещё не могу связать эти глаза с каким-нибудь знакомым лицом? Автомобиль продолжал движение. *И если я действительно знаю всё, что уже было и ещё будет, откуда в этом мире могло появиться нечто неизвестное?* Вопрос оставался открытым.

Мужчина проехал дорожный указатель, сообщавший расстояние до города. Цифры на нём ничего не говорили о времени, которое требовалось для поездки. Только о пространстве. О расстоянии между двумя точками.

Он посмотрел на дорогу. *Возможно, я неправильно понимаю не время.* Он чуть повернул руль, следуя изгибу шоссе. *Возможно, я неправильно понимаю само существование.*

Впереди поднимались первые городские здания. Мужчина направлялся в библиотеку, чтобы ещё раз прочитать книгу, которую знал наизусть. И снова не понять, что такое время.

Рядом с библиотекой находилась огромная автомобильная парковка. Она была пуста. Белые линии разметки делили асфальт на несколько сотен одинаковых прямоугольников. Между ними тянулись широкие проезды, рассчитанные на непрерывное движение автомобилей. У въезда стоял металлический шлагбаум, давно поднятый и, по всей видимости, никогда не опускавшийся.

Мужчина медленно въехал на парковку. Колёса пикапа негромко зашуршали по асфальту. Он проехал мимо нескольких рядов свободных мест, повернул руль и остановился наискось, заняв сразу два парковочных пространства. Это не имело значения. Других автомобилей здесь не было.

В мире, лишённом времени, люди не видели необходимости читать. Какой смысл открывать книгу, если её содержание уже известно? Зачем изучать историю, если каждое событие одновременно существует в памяти? Для чего исследовать законы природы, если все законы уже открыты, все опыты проведены и все результаты известны? Человек знал всё, что когда-либо было написано. Всё, что ещё только будет написано. И все ненаписанные строки, которые существовали хотя бы в чьих-нибудь мыслях.

Библиотеки утратили своё назначение, как когда-то утратили его школы, университеты и научные учреждения. Знания перестали быть результатом труда и превратились в обыкновенное свойство человеческого существования. Все люди знали одно и то же. И потому знание больше не давало никому никаких преимуществ.

Мужчина поднял ладони от рулевого колеса. И посмотрел на них. На руках по-прежнему были рабочие перчатки. Плотные, потёртые, со следами древесной смолы и мелких опилок. На правой перчатке возле большого пальца темнело пятно машинного масла.

Он медленно повернул кисти. *Почему я до сих пор их не снял?* Вопрос оказался неожиданно трудным. Он знал, что должен был снять перчатки после работы. Знал, где обычно оставляет их. Помнил, как снова надел снятую перчатку перед последним пропилком и затем сел в пикап. Но ни одно из этих знаний не объясняло, почему он сидит перед библиотекой в грязных рабочих перчатках.

Он заглушил двигатель. В салоне стало тихо. Мужчина снял сначала правую перчатку, потом левую. Положил обе на соседнее сиденье, открыл бардачок и достал сложенную хлопчатобумажную тряпку. Тщательно вытер ладони. Особенно кончики пальцев.

На коже остались едва заметные следы древесной пыли. Он провёл тканью между пальцами, затем ещё раз осмотрел руки. Теперь они были чистыми.

Бумага должна оставаться белой. Он не знал, почему эта мысль показалась ему существенной. Разумеется, бумага могла иметь любой цвет. Некоторые книги печатались на желтоватых листах, другие на серых, а особо дорогие издания — на плотной белоснежной бумаге. И

всё же ему казалось неправильным касаться книжных страниц руками, испачканными маслом и древесной смолой.

Когда-то люди называли подобное отношение уважением. Уважением к книгам. К знаниям. К труду тех, кто писал, печатал и переплетал их.

Мужчина помнил это слово, но уже не мог восстановить чувство, которое оно обозначало. Он просто знал, что книги следует брать чистыми руками. И поступал соответственно.

Открыл дверь пикапа и вышел. Близился вечер. Солнце стояло невысоко над городом, окрашивая верхние этажи зданий в мягкий золотистый цвет. Длинные тени лежали поперёк пустой парковки.

Вокруг не было ни одного человека. Это было обычным явлением. К вечеру жители города, как правило, оставляли свои занятия и направлялись в бары, казино, рестораны и другие заведения, предназначенные для развлечений. Они пили вино, играли в карты, слушали музыку, танцевали, разговаривали и совершали множество других действий, которые когда-то приносили человеку удовольствие.

Теперь удовольствия никто не испытывал. Люди продолжали развлекаться по привычке. Потому что когда-то так поступали. Потому что другие делали то же самое. И потому что отсутствие необходимости в каком-либо действии ещё не означало необходимости его прекращать.

В этом мире привычка оказалась удивительно живучей. Возможно, даже более живучей, чем логика.

Мужчина закрыл автомобиль и направился к библиотеке. Перед ним возвышалось большое белое здание в несколько этажей. Его центральный фасад украшали высокие прямоугольные окна, разделённые массивными каменными колоннами. По обе стороны выступали округлые крылья, придававшие сооружению сходство с огромным дворцом.

Декоративные карнизы тянулись вдоль стен. Над центральным входом возвышался широкий треугольный фронтон с едва различимой надписью, некогда сообщавшей посетителям о назначении здания. Краска на стенах местами потемнела. Между каменными плитами ступеней росли небольшие пучки травы.

Мужчина поднялся по широкой лестнице ко входу. Перед ним находились две огромные деревянные двери. Тёмные, тяжёлые, покрытые старым лаком. Их поверхность была испещрена тонкими извилистыми линиями древесных волокон, которые проступали сквозь прозрачное покрытие.

В центре каждой двери крепилась массивная вертикальная ручка. Тоже деревянная.

Мужчина протянул руку и обхватил одну из них. Дерево было гладким. Тёплым. Под пальцами ощущались небольшие неровности, оставшиеся после обработки поверхности.

И вдруг он оказался на вершине кипариса. Высоко над землёй. Вокруг расстился огромный лес. Ствол под ногами слегка покачивался. Ветер свободно проходил между ветвями, заставляя хвою шуршать мягко и равномерно.

Мужчина стоял на дереве, ещё не тронутым пилой. Оно было целым. Высоким. Могучим. Его корни уходили глубоко в землю, ствол поднимался к небу, а ветви широко раскидывались над окружающим лесом.

Он смотрел вдаль. И знал, насколько крепка древесина под его ногами. Знал, сколько выдерживает этот ствол, какой ветер способен его согнуть и какую нагрузку передают корни в окружающий грунт.

Но среди всех этих сведений было нечто, для чего не находилось определения. Когда-то человек мог бы назвать это восхищением. Или ощущением силы. Возможно, даже счастьем. Однако сейчас это было лишь воспоминанием о состоянии, которое он уже не умел испытывать.

Мужчина снова посмотрел на свои пальцы. Они обхватывали деревянную ручку библиотечной двери. Перед ним стояло белое здание. Никакого дерева не было. Он продолжал стоять на верхней ступени.

Впрочем, возвращением происходящее назвать было трудно. Он не покидал этого места, как не покидал и вершины кипариса. Оба состояния существовали одновременно, и лишь его внимание перемещалось между ними.

Мужчина потянул ручку на себя. Тяжёлая дверь медленно открылась. Изнутри потянуло прохладным неподвижным воздухом. Возникший сквозняк подхватил скопившуюся на верхней кромке двери пыль и рассыпал её перед входом. Мелкие серые частицы поднялись в воздух. Несколько из них коснулись его лица. Он моргнул. И вошёл.

В библиотеке было темно. Электрическое освещение давно не включали. Через высокие окна коридоров проникало немного вечернего света, однако его не хватало, чтобы осветить огромные внутренние помещения.

Мужчине свет не требовался. Он знал расположение каждой лестницы, каждого коридора, каждого книжного шкафа. Знал все названия. Все издания. Каждую страницу из миллионов книг, хранившихся здесь.

Даже если бы он закрыл глаза, то безошибочно нашёл бы нужный том, открыл его на нужном месте и воспроизвёл каждое написанное слово. Собственно, открывать книгу для этого было совершенно необязательно. Но он всё равно пришёл сюда. Как приходил уже множество раз.

В библиотеке было что-то особенное. Не красота. Не величие человеческой мысли. Не таинственность старых книг. Все эти понятия он мог объяснить, но не мог пережить. И всё же именно сюда его постоянно возвращало. Как на ту скалу у Тихого океана.

Он не понимал причины. И это было странно. В мире, где человек знал абсолютно всё, не понимать собственное поведение представлялось некоторым логическим неудобством.

Мужчина прошёл через просторный вестибюль. Под его ботинками негромко поскрипывал старый паркет. Вдоль стен стояли пустые деревянные скамьи. За длинной стойкой выдачи книг возвышались ряды небольших ящичков, в которых когда-то хранились бумажные каталожные карточки. Он знал содержание каждой карточки. Даже тех, которые давно рассыпались в пыль.

Коридор уходил в глубину здания. Звуки шагов отражались от высоких стен, дробились, становились глуше и постепенно растворялись в темноте.

В конце коридора находилась широкая полукруглая лестница. Мраморная. Её ступени плавной дугой поднимались на следующий этаж, огибая массивную центральную колонну. По внешнему краю тянулись тяжёлые перила с гладким каменным поручнем.

Мужчина поставил ногу на первую ступень. Затем на вторую. Он поднимался неторопливо, делая широкие шаги и полностью перенося вес тела на каждую ступеньку. Подошвы рабочих ботинок глухо стучали о мрамор.

На середине лестницы он остановился. Посмотрел вниз. Протянул руку и коснулся каменного поручня. Мрамор оказался тёплым. Мужчина провёл ладонью по его гладкой поверхности.

Любопытно. Камень, пролежавший здесь неизвестно сколько лет, сохранял тепло. Он мог бы вычислить его температуру. Мог определить теплопроводность, теплоёмкость, плотность и распределение температур внутри лестницы. Но почему-то предпочёл просто прикоснуться к нему. Это было лишнее действие. Никаких новых сведений оно не давало.

Он убрал руку и продолжил подъём. На верхней площадке находились массивные двустворчатые двери, ведущие в центральный читальный зал. Они были открыты. Мужчина вошёл.

Зал оказался огромным. Высокие стены исчезали где-то в темноте под сводчатым потолком. Вдоль них поднимались многоярусные книжные шкафы из тёмного дерева. Они тянулись от пола почти до самого потолка, образуя бесконечные ряды узких проходов.

На полках стояли тысячи томов. Толстые энциклопедии. Тонкие сборники стихов. Старинные книги в кожаных переплётах. Научные труды с потемневшими корешками. На некоторых полках книги были расставлены ровно, на других слегка наклонялись друг к другу, словно уставшие люди, которым требовалась опора.

Под потолком виднелись узкие балконы с деревянными ограждениями. Между высокими шкафами стояли специальные библиотечные лестницы на колёсиках. Их можно было передвигать вдоль полок, чтобы доставать книги с верхних ярусов.

В центре зала находились длинные столы. На них стояли зелёные настольные лампы с латунными основаниями. Некоторые были покрыты толстым слоем пыли. Другие оставались совершенно чистыми. Мужчина знал почему. Но не стал об этом размышлять.

Он направился к одному из дальних шкафов. Нужная книга находилась на самой верхней полке. Небольшой том в тёмно-синем переплёте. Его название было напечатано серебристыми буквами. «О природе времени».

Мужчина знал эту книгу наизусть. Знал первое предложение. Последнее. Каждую формулу. Каждое примечание. И даже опечатку на двести сорок седьмой странице, где в одном из математических выражений отсутствовал знак равенства.

Он остановился перед шкафом. Неподальёку стояла высокая деревянная лестница. Мужчина взялся за её боковые стойки, слегка наклонил и покатил по паркету. Колёсики тихо поскрипывали. Он установил лестницу возле нужной секции, зафиксировал её и проверил устойчивость.

Затем начал подниматься. Первая ступенька. Вторая. Третья. Дерево негромко потрескивало под его весом. Он поднимался выше, пока длинные ряды книг не оказались напротив его лица. Ещё несколько ступенек. И вот он достиг верхней полки.

Здесь было совершенно темно. Свет из окон не проникал в эту часть зала. Но мужчина точно знал, где находится нужная книга.

Он протянул правую руку. Пальцы коснулись гладкого корешка. И в этот момент он услышал голос.

Слов было не разобрать.

Сначала ему показалось, что звук донёсся из соседнего помещения. Очень тихий. Почти неразличимый.

Он повернул голову. Внизу было темно. Мужчина прислушался. Ничего.

Затем вновь раздался негромкий шёпот. И почти сразу — характерный шелест бумаги. Так звучит страница, когда человек берёт её за верхний уголок, слегка сгибает и медленно переворачивает. *Ш-шурх.*

Мужчина убрал руку с книжного корешка. Повернулся на лестнице.

— Здесь кто-то есть?

Голос прозвучал значительно громче, чем он рассчитывал. Низкий, глубокий, с отчётливыми согласными, он прокатился под высоким потолком и несколько раз отразился от стен.

— ...кто-то есть... есть...

Эхо постепенно стихло. Ответа не последовало. Мужчина посмотрел вниз. Между длинными столами лежали широкие полосы темноты. В дальнем конце зала почти невозможно было различить даже очертания шкафов.

Он подождал. Затем повторил:

— Здесь кто-нибудь есть?

Снова эхо. Снова тишина. И наконец из темноты раздался женский голос:

— Извините, если я заставила вас отвлечься. Я читаю.

Мужчина неподвижно стоял на лестнице. Голос был спокойным. Негромким. В нём не было ни раздражения, ни любопытства, ни каких-либо других эмоциональных оттенков. Обыкновенный женский голос. Но он его не знал. Это было невозможно.

Глава вторая: Женщина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.